

Шалюгин Геннадий Александрович Крымские сюжеты Чехова

Чехов не раз признавался, что пишет по воспоминаниям. Интервал между событием и его отражением в опубликованном сюжете составлял иногда более десятка лет. О рассказе «Архиерей», над которым он работал в Ялте, писатель сообщал О.Книппер года: «Пишу <...> на сюжет, который сидит у меня в голове уже лет пятнадцать» (16 марта 1901). Еще одним подтверждением служит история замысла пьесы «Три сестры». Запись о действующем лице по фамилии «Соленый» относится к февралю 1899 года. Тремя страницами позже в той же записной книжке появляется заметка: «В провинции с упорством спорят о том, чего не знают.

- В Москве два университета.
- Нет, один.
- Два!
- Но ведь я там учился, знаю.
- Вы учились, а я вам говорю: два!».

Запись навеяна воспоминаниями о сибирской поездке на Восток летом 1890 года, когда Чехов вынужден был коротать время с двумя настырными спутниками-офицерами на берегу Байкала. Один из них – Н.Я.Шмидт - стал прототипом Соленого. В феврале 1899 года, квартируя на даче Иловойской «Омюр», Чехов работал над подготовкой Собрания сочинений для А.Ф.Марк-са. Он вспомнил об очерках «Из Сибири» и просил брата Александра прислать их в Ялту. Так воспоминание о событиях десятилетней давности соединилось с замыслом пьесы.

Судя по всему, писатель обладал феноменальной памятью, хотя прибегал и к мнемотехнике. Способом первичной фиксации сюжетов, деталей, образов часто оказывались письма: в них проскальзывают детали и образные находки, которые потом всплывали в текстах. К примеру, путешествуя по Сибири на Сахалин, в письмах к родным Чехов поминал чай с тараканами, черемшу, приметы зауральской погоды (снег в мае)... Через десять лет они «проявились» в тексте пьесы «Три сестры».

Разумеется, есть и примеры иного рода. На одной страничке с записью о телефонном разговоре со Л.Н.Толстым (7 декабря 1901 года) оказалась литературная заготовка, навеянная ялтинскими реалиями. «Благочинный ставит священникам и всему причту отметки за поведение, а после всех даже их женам и детям». Запись использована в рассказе «Архиерей» буквально через год-полтора. Она навеяна местными пересудами о поведении о. Александра Терновского, благочинного Ялтинского церковного округа. Чехов бывал в его доме, общался с его дочерью Надеждой... О Терновском говорили, что он написал донос на учителя Закона Божьего, что он отказался бесплатно отпевать умершего от туберкулеза студента и т.д. Есть сведения, что Чехов помогал ему в создании санатория для больных священников. Поколениям ялтинцев советской поры санаторий был известен под именем Ф.Дзержинского.

Со временем у писателя появились записные книжки. По мере использования записей остатки заметок переносились в следующую книжку – так у Чехова завелось их целых четыре. Анализ содержания книжек, их связи с реальностью, их реализация в произведениях Чехова проделал З.С.Паперный в классическом исследовании «Записные книжки Чехова». Он проследил процесс накопления и использования заметок. Оказалось, что в последней книжке было заготовлено «на будущее» 365 заметок. «Листов в пятьсот еще не использованного материала. Лет

на пять работы», - так Н.Гарин-Михайловский воспроизвел чеховскую оценку своего «накопительства». «Ах, какая масса сюжетов в моей голове», - это уже из письма Чехова к О.Л.Книппер от 23 января 1903 года.

Задача Паперного заключалась в том, чтобы углубить представления о творчестве Чехова «как едином целом». «Даже в рассыпанных многочисленных фрагментах заметок обнаруживается некое единство», - писал Паперный. «За одной записью встает все творчество Чехова <...> запись оказывается не случайной. В ней, как в некоем гене, заложены существенные особенности писательского видения жизни».

Наша задача лежит в иной плоскости. Еще Паперный заметил, что некоторые заметки «кажутся автобиографическими». «Но это лишь кажется так». Основанием для такого вывода служит наблюдение о том, что записные книжки не выдают ни одной мысли Чехова о близящейся кончине.

Паперный прав, говоря о закрытости, сдержанности Чехова. К примеру, И.Бунин специально спрашивал родных писателя - видели ли они плачущего Антона Павловича? Не видели... Тем не менее, какие-то житейские ситуации, собственно чеховские размышления обретали значение «литературных заготовок» - для этого у писателя были приемы «отстранения», отчуждения, объективизации материала. Это на редкость интересная задача - отследить в литературной заготовке присутствие самого Чехова, его мысли, его чувства. Если хотите - некая реконструкция личности писателя по его творчеству. Оживление Чехова... Что-то похожее на идею, выдвинутую в свое время философом Николаем Федоровым...

К такого рода постановке вопроса очень близко подошел З.Паперный, когда анализировал заметки, из которых вырос ялтинский рассказ «Дама с собачкой». Это тема «тайны». Она затрагивается в раннем рассказе «Герой-барышня». В рассказе 1886 года «Тяжелые люди» она повернута темой «тайны дома»: «В каждой семье есть свои радости и свои ужасы». О сокрытых миру домашних ужасах и размышляет студент Петр после сцены с отцом - деспотом и самодуром. Тем не менее Чехов снова возвращается к этой теме - уже в конце 1890-х годов. Смысл заметки: животные стремятся раскрыть чужое гнездо. У людей же развивается «уважение к чужой тайне» как проявление борьбы с животным инстинктом.

«Запись об уважении чужой тайны, - пишет Паперный, - <...> некий поворотный момент в многолетних размышлениях писателя о «тайне». Итогом этого поворота и явилась мысль Гурова, героя «Дамы с собачкой», о двойственности собственного бытия: «У него было две жизни: одна явная <...> и другая - протекавшая тайно». Гуров по собственному опыту предполагал, что «у каждого человека под покровом тайны, как под покровом ночи, проходит его настоящая, самая интересная жизнь. Каждое личное существование держится на тайне» (Курсив мой - Г,Ш.).

Мне кажется, эти соображения касаются и лично Чехова. Само многократное обращение писателя к теме тайны - на протяжении почти двух десятилетий жизни и творчества! - это ли не свидетельство того, что тема «тайны» - глубоко личная тема Чехова. Тайная работа по «выдавливанию по капле раба»... По преодолению мещанских замашек в семейной жизни... Тайна его отношений с женщинами... Тайна смертельной болезни, наконец... Сколько таких тайн скрывалось за «ширмой», можно судить по воспоминаниям Марии Чеховой, которые записал ее племянник Сергей Михайлович в 1946-48 годах. Сам С.М.Чехов так и не решился их обнародовать...

Я хочу выделить записи, относящиеся к крымским реалиям, навеянные жизнью писателя в Ялте, которую называл «теплой Сибирью». Есть в записной

книжке заметки, которые только по формальному указанию места события (Ялта) относятся к числу «крымских» сюжетов. Например, такой сюжет: «Ялта. Молодой ч(елове)к, интересный, нравится 40-летней даме. Он равнодушен к ней, избегает ее. Она мучается и в конце концов с досады устраивает ему скандал». На самом деле, по наблюдениям автора комментария к рассказу «Дама с собачкой», запись сделана осенью 1897 года в Ницце. Вероятно, в ее основе – наблюдения из жизни французского курорта. Однако именно Ялта стала собирательным образом, к которому приурочены и другие подобные заметки.

Сама Ялта, судя по всему, давала мало сюжетов серьезного, обобщающего характера, однако поставляла обильный материал нравоописательного свойства. «Чехов много шутил и рассказывал о ялтинских нравах», - это было типичное содержание его бесед на Белой даче. При благоприятном течении жизни через 10-15 лет они стали бы той затравкой, на которой выкристаллизовалась новая ялтинская проза и новые драматические произведения. Новые шедевры вроде «Дамы с собачкой»? Вообще: куда двигался Чехов? С всей определенностью этого сказать нельзя, но некоторые тенденции все же прослеживаются... Это – тот Чехов, которого мы могли ожидать...

В выделенных нами сюжетах и заметках – писательские интерпретации фактов и событий, с которыми Чехов знакомился в Ялте, в Крыму. За этими литературными заметками – своего рода летопись, дневник реальных событий вокруг Чехова. Более того: эти заметки носят автобиографический характер. По ним можно реконструировать факты жизни Ялты, факты его жизни и состояние его души, его «реакцию на раздражение». Помнится, в «Палате № 6» говорилось о прогрессе как развитии способности организма реагировать на боль. В некоторых заметках явственно прослеживается реакция самого Чехова на раздражение, на нравственную боль.

«Сиделка»:

В «Записной книжке» писателя осенью 1903 года появился сюжет: «Имение. Зима. N., больной, сидит у себя. Вечером со станции приезжает вдруг неизвестная Z., молодая девушка... и говорит, что приехала ходить за больным... Этот сконфужен, испуган, отказывается, тогда Z. говорит, что все-таки она остается ночевать. Проходит день-два, она все живет. Характер у нее невыносимый, она отравляет существование».

Нетрудно заметить, что житейская ситуация с «больным N.», коротающим зиму в одиночестве, навеяна собственной жизнью писателя в Ялте: в пустом и холодном зимнем городе он чувствовал себя словно в ссылке на Чертовом острове. Но как возникла коллизия с девушкой, из добрых побуждений отравивших существование больного человека?

Весной 1900 года Антон Павлович получил длинное письмо с предложением: «Если вы когда-нибудь почувствуете себя дурно, если у вас продлятся бессоницы и захочется Вам иметь около себя бесплатную, преданную няньку - призовите меня!». Письмо кончалось строками: «Сядьте к столу и, написав на конверте: Ялта, дача Вебера, Елене Эдуардовне Подгородинской, прибавьте, что воспользуетесь моим предложением быть у Вас сестрой милосердия».

Потом пришло еще письмо. Из него видно, что Чехов «ласково и нежно оттолкнул» ее предложение. Можно было ожидать, что тема исчерпана, но Подгородникова снова пишет на Белую дачу. Жалуется на болезнь, из-за которой не смогла увидеть «Чайку» и «Дядю Ваню» на ялтинской сцене жалуется, что не смогла – на правах, так сказать, старой знакомой, «пережить с

Вами Ваш выход на эстраду» (речь идет о гастролях МХТ и чествовании писателя в городском театре в апреле 1900 года). Далее выясняется, что корреспондентка совсем уж не деликатно разглядывала писателя в городском саду и нашла: «Вы похудели за последнее время, очень похудели». Это искренне сочувствующее существо начинает учить больного (не забудем – и врача!) очень легкому и эффективному способу избавиться от чахотки. Нужно выпивать натошак зараз 6-8 сырых яиц...

Сохранилось три письма к Чехову от Елены Эдуардовны Подгородниковой, они хранятся в Российской Государственной библиотеке. Можно предположить, что именно эта житейская ситуация трансформировалась в сюжетную заготовку на будущее – Чехов, по своему обыкновению, перенес ее в иную временную и географическую среду... Между прочим, Подгородникова уверяла, что именно она явилась прототипом Анны Сергеевны в «Даме с собачкой»...

«У Варвары Константиновны...»:

«Приезжаю в гости к знакомому, застаю ужин, много гостей. Мне весело болтать с соседками и пить вино. Вдруг поднимается (Тупиков) Н. с важным видом, точно прокурор, и произносит в честь мою тост. Чародей слова, идеалы, в наше время, когда идеалы потускнели... сейте разумное, вечное... У меня такое чувство, точно я был накрыт раньше колпачком, а теперь колпачок сняли, точно в меня прицелились. После тоста (молчание) чокались, молчание. Пропало веселие.

- Вы теперь должны сказать, - говорит соседка. – Но что я скажу? Я охотно пустил бы в него бутылкой. И опять ложусь с осадком в душе. Смотрите, смотрите, господа, какой дурак сидит среди вас! (В виде interview: Я иначе не могу. Я сам мучаюсь.) (Со мной сестра или жена).

Сравним заметку с содержанием письма к М.П.Чеховой от 6 дек. 1898 года из Ялты:

«Третьего дня я был на именинах Варв. Конст. <...> Тупиков за ужином, со свойственной ему важностью, сказал длинную речь по моему адресу, после чего я дал себе слово уже больше никогда не ходить в Ялте на ужины».

Николай Михайлович Тупиков – учитель женской гимназии, автор нескольких статей по истории языка, бывший учитель Стоюнинской гимназии в Петербурге. Заболел легкими и перебрался в Ялту. Запись о вечере у Харкеевич сделана в декабре 1898 года – может быть, одновременно с письмом Маше или чуть позже.

В заметке видны следы литературной обработки: вместо знакомой Харкеевич фигурирует некий «знакомый». И далее - оговорена сама форма подачи материала: в виде интервью, то есть, от первого лица, как в рассказе «Пассажир первого класса».

Сходная реакция в сходной ситуации описана Буниным в Алушке, где Чехов обедал в ресторане, и «господин с бокалом» из-за соседнего столика провозгласил:

- Господа, я предлагаю тост за присутствующего среди нас Антона Павловича, гордость нашей литературы, певца сумеречных настроений... - Побледнев, он встал и вышел». Случай описан также М.П.Чеховой в книге «Из далекого прошлого».

Характерно, что Бунин отметил физиологическую реакцию Чехова: побледнел и вышел. Это деталь – побледнел - раскрывает нравственную и физическую боль Чехова при столкновении с пошлостью, неделикатностью, душевной грубостью. Такого же типа реакция была описана Куприным во время неприятного

инцидента в порту, когда в присутствии Чехова помощник капитана ударил носильщика-татарина по лицу. Можно привести и многочисленные примеры из писем Чехова. Жене, к примеру, он жаловался на незванного посетителя: «... сидел, сидел, сидел <...> я чуть было не заревел от отчаяния» (5 сен. 1901). О визите Б.Лазаревского: «...сидит, сидит, мучительно сидит...» (ей же, 21 ноября 1901). Человек с обнаженной кожей... Сын человеческий... Так проясняется очень важный аспект заметок: раскрытие через отобранные сюжеты сущностного, личностного начала Чехова.

«Среди умных»:

«N.N., литератор-критик, обстоятельный, уверенный, очень либеральный, говорит о стихах; он признает, он нисходит – и я вижу, что это бездарнейший ч-к (я не читал его). Предлагает ехать на Ай-Петри. Я говорю: будет дождь. Но все-таки едем. Дорогою грязь, идет дождь, рядом сидит критик, я чувствую его бездарность. За ним ухаживают, его носят, как архиерея. И назад, когда прояснилось, я ушел пешком. Как люди охотно обманываются, как они любят пророков, вещателей, какое это стадо! Едет с нами еще другой: д.т.с. (действительный тайный советник), не старый, все молчит, потому что считает себя правым, презирает критика и потому что тоже бездарен. Барышня, которая боится улыбнуться, потому что находится среди умных».

К этой записи нет никаких комментариев. Относится к августу-сентябрю 1901 года. Если поездка на Ай-Петри могла быть придуманным «местом действия» (а это наверняка так: трудно представить ситуацию, при которой больной Чехов ушел бы пешком с Ай-Петри), то персонажи явно списаны с натуры. Следует посмотреть, кто из литераторов и «действительных тайных советников» осенью посещал Чехова. Таких посетителей было несколько. Возможно, к их числу можно отнести литератора А.Н.Мошина, который был на Белой даче 25 августа 1901 года. Мошин – автор книги «Штрихи и настроения». Чехова нашел весьма неудачным само название книги: «Штрихи - не русское слово». В декабре у Чехова был писатель К.А.Арабажин, о котором Антон Павлович сообщал жене: «...был Арабажин, ничтожнейший литератор, но шумящий как водяная мельница» (12 дек. 1901).

Был у Чехова с визитом вежливости и крупный чиновник - инспектор Одесского учебного округа Х.П.Сольский. О нем, вероятнее всего, просила В.К.Харкеевич: Сольский приезжал для инспектирования женской гимназии, где Антон Павлович состоял попечителем. Чехов воспользовался визитом инспектора, чтобы попросить за еврейского мальчика, сына аптекаря Левентона, которого не принимали в Ялтинскую мужскую гимназию. Между прочим, дочь аптекаря Алла Назимова, начинавшая карьеру в МХТ, стала знаменитой америкаканской актрисой...

Из воспоминаний бывшей ученицы гимназии О.В.Шлезингер известно, что Сольский чуть было не выгнал из гимназии учителя истории и географии М.М.Горбатова, хорошего знакомого чеховской семьи. Горбатов предложил Марии Павловне свое место, если она захочет преподавать в Ялте. История была такова: на уроке истории Горбатов спросил ученицу, кто такой Владимир Мономах. Та в рифму ляпнула: «Монах!». Горбатов, вместо того, чтобы строго внушить ученице, заразительно засмеялся, за ним и весь класс. Сольский был взбешен...

Я подчеркнул слова, которые раскрывают чеховское оскорбленное чувство от воинствующей бездарности. Похоже, что у Чехова было шестое чувство –

чувство пошлости. Не случайно в пьесе «Три сестры» пошлость возведена в ранг inferнального зла. Сам Чехов не любил говорить «умное» (или «вумное», как иногда говаривал Антон Павлович), за что его презирали Мережковские, с которыми писатель пересекся в путешествии по Италии. Зато с поповной Наденькой Терновской охотно ездил в Орланду – с ней не надо было говорить «умное».

Иногда ужас отчаяния от предстоящей встречи с заведомой пошлостью и бездарностью подвигал его на странные поступки. При встрече с актером и антрепренером И.А.Добровольцевым, который надумал сыграть в Ялте «Трех сестер», Чехов, к «величайшему удивлению и неудовольствию» последнего, убеждал его ... не ставить пьесу! Спектакль, однако, был сыгран силами Московского товарищества русских драматических артистов. Ожидания подтвердились: «... в Ялте шли «Три сестры» - отвратительно!» (Ольге Книппер – 22 ноября 1901).

«Южнобережный сюжет»:

«Муж приглашает приятелей в Крым к себе на дачу, а жена потом тайно от мужа, подает им счета и получает за картину и стол».

Распространенный дачный юмор Южнобережья. Ирония над корыстолюбием дачевладельцев, которые готовы содрать с постояльцев последнюю копейку. Типичная ситуация – человек, приехавший полечиться, умирает, дачевладелец отказывается даже похоронить (имеется рассказ ялтинских старушек о том, как о.Терновский отказался отпевать студента бесплатно).

Кстати, чеховская дача была построена таким образом, чтобы нижний этаж можно было сдавать квартирантам. У каждой комнаты свой отдельный выход. Фактически внизу одновременно, не мешая друг другу, могли жить три отдельных человека или семьи. Сам Чехов на сей счет иронизировал: внизу будет держать индюшек, а когда их съедим, пустим квартирантов... При чеховском практицизме (считал копейки при отправлении почты) в этом ничего необычного не было: пройдя школу нищеты, всегда думал о будущем.

Относительно того, как жена (сестра) может снять пенку с житейской ситуации, хорошо иллюстрирует история продажи Кучук-Коя. Чехов поручил дело сестре, та дала объявление и продала имение «за глаза», то есть, заочно, аж за 15 тысяч! А Чехов купил за две с половиной... Покупательница приехала и ужаснулась: оказывается, и знаменитые писатели могут быть жуликами! Чехов велел срочно вернуть деньги с процентами. Ирония Михаила Чехова: вы такие хорошие люди, такие хорошие, но и вы заразились в Ялте психологией кулаков!

«Филоксера»:

«Жалоба: сын мой Степан слаб здоровьем, его поэтому я отдал учиться в Крым, а там его выдрали лозой, от этого у него ниже спины завелась филоксера, и теперь доктора ничего не могут сделать».

Источник – письмо брата Александра Чехова от 23.1.99 г.:
«Кстати, можно ли виноградной лозой драть? Не заведется ли от этого в казенной части филоксера?»

Что такое филоксера? Это американский вредитель, который высасывает соки из корня и практически губит лозу. Отсутствие средств, невозможность бороться с вредителем. Предположение о том, что филоксера может завестись в

человеческом организме – абсурдно, тем не менее - интересно. Когда шутка брата оформилась как литературная заготовка? Письмо от Александра получено, очевидно, в конце января 1899 года. Следующая запись в книжке - выписка из книги Порфирия Успенского «Книга бытия моего». О чтении сочинений Порфирия Чехов сообщал Суворину 6 февраля 1900 года. Запись могла быть сделана в течение года как по памяти, так и для памяти – именно как литературная заготовка. Очередь до нее не дошла...

«Итальянский сюжет»:

«Приезжаю в Ялту. Все занято. Прихожу в «Италию» - ни одного свободного номера. – А мой 35 №? – Занят. – Какая-то дама. Говорят: не угодно ли с дамой остановится, дама ничего не имеет против. Остаюсь. Разговор. Вечер. Входит татарин проводник. Мне завязывают уши, голову; я сижу, ничего не вижу и не слышу...».

Комментатор сообщает, что никакой «итальянской» готиницы в Ялте не было. Отношения приезжих отдыхающих дам с татарами-проводниками были притчей во языцех. На эту тему существовала целая литература (смотри статью Е.Дубчинского «Эскизы и штрихи» в газете «Крымский курьер», 1902, 5 сентября).

Сюжет характеризует южнобережные нравы. Чехов откликнулся на тему в рассказе «Длинный язык», написанный в 1886 году по рассказам И.Левитана, побывавшего на Южном берегу. Тему попытался эксплуатировать А.И.Куприн - «Меджид», однако повесть осталась неоконченной. Сам Чехов фактически «закрыв» тему рассказом «Дама с собачкой». В гостиничном сюжете ситуация доведена до абсурда: герою завязывают глаза и уши, хотя могли бы просто попросить прогуляться на часок. Ввиду открытого неприличия сюжет вряд ли мог быть реализован. Чехов пытается найти парадоксальный поворот сюжета. Известно, что он был резко настроен против рутинных сюжетных ходов, рутинных концовок. Герой или женись, или стреляйся. Так сказать, учебный этюд.

«Избавление от визитеров»:

«Z-у надоели визитеры, тогда он нанял француженку, к(ото)рая живет у него за жалованье под видом содержанки, это шокировало дам и к нему перестали ходить».

Запись, вероятно, сделана в январе 1899 года, когда Антон Павлович жил на даче К.М.Иловойской. В это время он усиленно занимался работой по подготовке своих рассказов к публикации в Собрании сочинений А.Ф.Маркса и к бесцельным визитерам относился болезненно. Сам способ избавления напоминает некий «рецепт», которые Чехов переписывал для памяти и охотно делился со знакомыми. Способ основан на шокировании публики, особенно дамской. Шоковая терапия – в данном случае – чисто чеховский метод. Сравни способ укрощения двух женщин в другом крымском сюжете: герой-многоженец поселил двух жен вместе, и они притихли, замолчали... Когда отправлялся на Сахалин, в попутчики к нему набивался художник Сахаров. Чтобы избавиться, велел сказать ему, что Чехов-де – пьяница и дебошир. Шок – ситуация, которую Чехов любил моделировать. История с Буниным, которого якобы «убили в Аутке у одной татарки». Итак: в самой форме литературной заготовки видны уши автора...

«Собирание марок»:

«Молодой человек собрал миллион марок, лег на них и застрелился».

Сюжет неоднократно переносился из одной книжки в другую. Он обыгран З.Паперным безотнотнительно к самому Чехову. Однако исследователь обратил внимание, что в подобных сюжетах у Чехова сквозит странное, почти фантастическое соотношение жизни смерти. На первом плане - «бессмыслица жизни». Судя по контексту, запись относится к концу 90-х годов. Надо иметь в виду, что Чехов и сам собирал марки – в коллекции Дома-музея А.П.Чехова в Ялте сейчас насчитывается несколько тысяч марок. Он снимал их с многочисленных конвертов и бандеролей и складывал в японскую вазу, стоявшую на приставном столике справа от письменного стола. По мере накопления марки связывались нитками в пачки по 200 штук. Чехов собирал марки якобы по просьбе некоего молодого человека, который собирался получить за них премию. Должно быть, мысль о бессмысленности этого занятия не раз посещала Антона Павловича. Бессмыслица... Сидя с Буниным в кабинете Белой дачи, Чехов выискивал примеры такого рода бессмысленности в русской жизни из газет. Вот, в Самаре некий купец умер и завещал весь капитал на памятник Гегелю...

«Судьба актрисы»:

«Судьба актрисы: начало - богатая, хорошая семья в Керчи, скука жизни, бедность впечатлений; (комед) сцена, добродетель, пламенная любовь, потом любовники; конец – отравилась неудачно, потом Керчь, жизнь у пухлого дяди, наслаждение от одиночества. Опыт показал, что артисту надо обходиться без вина, без брака, без большого живота. Сцена станет искусством лишь в будущем, теперь же она лишь борьба за будущее».

Запись сделана в 1901 году – не ранее мая, когда Чехов уехал в Аксеново, и не позднее сентября, когда встречался с Л.Толстым. Тематически, как показано З.Паперным, связана со «Скучной историей» и «Чайкой» (судьба Кати и Нины Заречной). Запись очевидно делится на две части: в первой – собственно судьба актрисы (сцена, любовь, отравление); во второй - размышления, которые выходят за рамки частной судьбы. Мысль о том, что литераторы, артисты и художники не должны создавать семью, была излюбленной мыслью самого Чехова. Мысль о неудовлетворительности современного театра (театр – дурная болезнь городов) тоже характерна для писателя. А.Куприн в очерке «Памяти Чехова» привел историю, весьма развеселившую Антона Павловича. Дело было в Ялте. Кто-то рассказал, как некий актер («первый любовник») говорил жене о театре как о «храме». «А.П. сбросил пенсне, откинулся на спинку кресла и захохотал <...>. И тотчас же полез в боковой ящик стола за записной книжкой <...>. «...Сцена – храм?»... И записал весь анекдот». Керчь, с одной стороны, служит подменой Феодосии (которая связана с именем реального человека), с другой - символом культурной Тмутаракани (историческая Тмутаракань находилась на противоположном берегу пролива). Отстойник. Не случайно Керчь фигурирует еще в одном сюжете –

«Две жены»:

«Две жены: одна в Петербурге, другая в Керчи. Постоянные скандалы, угрозы, телеграммы. Едва не довели до самоубийства. В конце концов нашел средство:

поселил обеих жен вместе. Они в недоумении, точно окаменели; молчали». Запись перенесана из первой записной книжки во вторую. Здесь вместо Керчи фигурирует Феодосия.

Комментарий сообщает, что у сюжета реальная подкладка из жизни писателя И.Потапенко: его первая жена, с которой он не был разведен, жила в Феодосии. Потапенко жаловался, что она шантажирует его. В 1894 году Чехов был в Крыму и писал Суворину, что заехал бы в Феодосию вместе с Потапенко. «Но – увы!... В Феодосии у нас жена» (15 авг. 1894). Через два года Чехов обыгрывает тему «жены» в письме к Потапенко: «... уезжаю на юг, буду в Феодосии, поухаживаю за твоей женой» (14 авг. 1896).

Опять-таки «рецепт»: предлагается способ усмирить зловредных баб. Возможно, способ укрощения строптивых предлагался в шутку Игнатию Потапенко. Способ основан на доведении ситуации до абсурда. Шоковая терапия в чеховском стиле. Клин клином вышибают.

* **

Я думаю, эти литературные заготовки можно сопоставить с рецептами, которые записывал Чехов. Это – отражение профессиональности Чехова-врача в стилистике Чехова-писателя. «Рецептурность» как одно из проявлений краткости и точности. По свидетельству лечащего врача И.Н.Альтшуллера, Чехов выписывал рецепты из справочников и газет, любил давать лечебные советы гостям Белой дачи. Рецепт от выпадения волос приводит и Чебутыкин в «Трех сестрах» – его, кстати, Антон Павлович позаимствовал из письма жены. В то же время пристрастие Чехова к абсурдным, комичным рецептам замечено за ним со времен ранней юмористики. Абсурдные рецепты у Чехова теряют медицинский характер и наполняются житейским содержанием. В замечательной книге С.Н.Николаевой «А.П.Чехов и древнерусская культура» показаны истоки этой необычной поэтики, восходящей к литературным памятникам семнадцатого столетия.

Другой вывод связан с типичностью сюжетов, основанных на абсурдности ситуации. Если внимательно просмотреть тематику заметок четвертой, итоговой записной книжки, то становится очевидным, что тема абсурда бытия (особенно в его бытовых формах) все более и более занимает внимание писателя. Примеров – множество:

«Было такое поэтическое венчание, а потом – Какие дураки! Какие дети!».

«Не так связывает любовь, дружба, уважение, как общая ненависть к чему-нибудь».

«Праздновали юбилей скромного человека. Придрались к случаю, чтобы себя показать <...> И только к концу обеда хватились: юбиляр не был приглашен, забыли...».

Абсурдно чиновничье отношение к делу:

«Был прекрасный строевой лес; назначили лесничего, и через два года леса нет, шелкопряд».

Абсурдна нравственная философия времени:

«Противиться злу нельзя, а противиться добру можно».

«Жизнь расходится с философией: счастья нет без праздности, доставляет удовольствие только то, что не нужно».

Абсурдна казенная наука:

«Мнение профессора: не Шекспир главное, а примечания к нему».

Абсурдно отношение к детям:

«Один капитан учил дочь фортификации».

Абсурдна сама современная культура:

«Чем культурнее, тем несчастнее».

Наконец, обобщающее наблюдение, не оставляющее сомнений в характере оценки жизни, которой живет масса обывателей:

«Когда живешь дома, в покое, то жизнь кажется обыкновенною, но едва вышел на улицу и стал наблюдать <...> то жизнь – ужасна. Окрестности Патриарших прудов на вид тихи и смиренны, на самом деле жизнь в них - ад и так ужасна, что даже не протестует».

Все это выписки из четвертой записной книжки, которая содержала заготовки на будущее... Здесь же найдем и само слово, в котором концентрируется характеристика времени: «Это абсурд! Это анахронизм!».

Наращение чувства абсурдности русской жизни в начале века было свойственно не только отдельным людям, но и целым слоям общества России. Несомненно, это свидетельствовало о неизбежности трагической ломки в нравственной, экономической и политической жизни страны, которая вылилась в серию революций и переворотов, после которых абсурд стал основой мироустройства на шестой части земного шара.

Вероятно, интерес к такого рода наблюдениям – а они в массе отражены в итоговой записной книжке! - можно интерпретировать и как движение Чехова к поэтике абсурда. Тут наблюдается своего рода возвращение Чехова «на круги своя»: на абсурдности житейских отношений построена его ранняя юмористика, осколочная «мелочишка». Очевидно, это новый виток спирали, по которой восходил творческий гений писателя. Не случайно Чехова считают чуть ли не предтечей театра абсурда... Вероятно, он мог стать родоначальником и абсурдистской прозы XX века. По крайней мере, именно в таком качестве виделся Чехов Даниилу Хармсу и его единомышленникам-обэриутам.

В начале писательской карьеры, полный надежд на будущее, Антон Павлович написал: «...если бы мне прожить еще 40 лет, <...> я выпалил бы во всех вас из такой большой пушки, что задрожали бы небеса...». Увы, отсчет жизни Чехова остановился на сорок пятом году...

* * *

Список использованной литературы и источников.

Произведения А.П.Чехова цитируются в тексте статьи по ПССП в 30 тт. М.: Наука, 1974-83.

1. Паперный З.С. Записные книжки Чехова. М., 1976.
2. Гитович Н.И. Летопись жизни и творчества А.П.Чехова. М., 1955.
3. Подгородникова Е.Э. Письма к А.П.Чехову. РО РГБ, ф.331, 56, 3.
4. Бунин И.С. Собр. соч. в 9 тт. Т.9, М., 1967.
5. Чехова М.П. Их далекого прошлого. М., 1960.
6. Корш Н.Ф. Письма к А.П.Чехову... - РО РГБ, ф.331. Выписи из писем сделаны и обнародованы на научном семинаре в музее покойным гл. хранителем Дома-музея А.П.Чехова Ю.Н.Скобелевым..
7. Полоцкая Э.А. Ялтинская редакция «Шуточки» // Чеховиана. М.: Наука, 1993.
9. Куприн А.И. Памяти Чехова. А.П.Чехов в воспоминаниях современников. М., 1960.
10. Николаева С.Н. А.П.Чехов и древнерусская культура. Тверь. 2000.
11. Григорьева, Людмила. Чехов и проза двадцатых годов XX века. // Чехов и современность. Материалы международной конференции к 100-летию со дня смерти А.П.Чехова. Сеул, 2004.